

Жора-профессор

В московском издательстве "Захаров" выходит третий том эпопеи Аркадия Львова "Двор". С любезного разрешения автора (главы редакционного совета нашего альманаха) публикуем одну из глав.

В двенадцатом трамвае, который идет с Товарной до Пересыпского моста, пересекая по улице Советской Армии, бывшей Преображенской, весь центр города, Жора-профессор декламировал свои новые стихи на темы дня:

Дорогой товарищ Тито,
Ты наш первый друг и брат!
Так сказал Хрущев Никита:
Ты ни в чем не виноват!

В ботинках, подшитых аккуратно вырезанными точно по форме рантовой подошвы кусками автомобильной покрышки, Жора, по мнению женщин, мог считаться почти высокого роста, хотя на самом деле был чуточку выше среднего. Всегда, независимо от времени дня и погоды, в модной кепке с чуть примятым козырьком, при галстукке, приколотом к рубашке зажимом или большой булавкой, обрамленной ниткой стекляруса, в однобортном пиджаке цвета морской волны, застегнутом на одну пуговицу, Жора выглядел интеллигентным молодым человеком с несколько странной манерой смотреть на того, кто стоял у него перед глазами, в упор и в то же время мимо. Люди, сведущие в офтальмологии, объясняли это сильным, скорее всего, врожденным астигматизмом; другие же готовы были усмотреть в этом известную хитрость и уловку, какими у нас в Одессе умело пользуются в своих интересах малахольные и дефективные, которые всегда себе на уме.

Стихи, которые Жора-профессор декламировал в трамваях, держа перед собою металлический портсигар с листками бумаги, быстро расходились по городу и запоминались сами с первого раза:

Килька плавает в томате.
Солнце прячется в закате.
Слушай, девочка, не плачь:
Не утонет в речке мяч!

Одесситы, со свойственным им чутьем к поэтическому слову, удивлялись, как при внешней простоте и непритязательности Жора добивался

эффекта, о котором могут только мечтать многие профессиональные поэты, жаждущие услышать свою строку из чужих уст.

Хотя никто не мог сказать, что видел Жору со свежим номером газеты в руках, стихи его, открыто признавалась Дина Варгафтик, заменяли ей во многих случаях не только газеты, но и радио, которое передает все новости и последние известия быстрее всякой газеты.

Жорины стихи про Тито первая принесла во двор Дина, прочитала наизусть Ляле Орловой, обе вместе весело смеялись, Дина только сделала замечание, что в данном случае Жора немного поспешил, потому что в конце мая Хрущев и Булганин вместе поехали в Белград, а сейчас у нас начало июня, переговоры могут еще тянуться целую неделю, даже больше. Тито некуда спешить, к нему приехали, а он хорошо помнит, как называли его палачом и фашистом при Сталине.

— Диночка! — схватилась за бока Ляля. — Так вы не слышали, что Хрущев извинился перед Тито и договорились, что больше никогда в жизни не будут поливать друг друга грязью, как было при Сталине!

Дина честно призналась, что как раз сегодня не слушала радио и не успела купить свежую газету "Знамя коммунизма", в киоске сказали, что все продано. Она даже удивилась, но теперь все понятно, и надо еще больше удивляться, как быстро Жора-профессор первый сочинил свои стихи про Тито и Хрущева.

— Ляля, — сказала Дина, — можете резать меня на мелкие куски, но я уверена, что Жора больше притворяется, чем есть на самом деле: он все видит и понимает лучше нас с вами!

Через два дня Ляля, которая ехала с Дерибасовской вторым номером трамвая, сама принесла во двор новые стихи, про целину, которые Жора-профессор декламировал в вагоне, а пассажиры хлопали ему, как настоящему артисту, и требовали повторить, только не так быстро, чтоб успели запомнить:

В Казахстане целина —
Отворяем закрома!
Богатеем с каждым днем:
Что посеем, то пожнем!

Дина с Лялей уже собирались разойтись, когда в подъезде появилась с двумя громадными, как селянские торбы, кошелками в обеих руках Катерина Чеперуха, а следом за ней бабушка Оля с внуками, Мишей и Гришей, которые с обеих сторон дергали ее за юбку и требовали пойти с ними в Александровский садик. Бабушка Оля обещала внукам, если будут

так вести себя, отвести их не в Александровский садик, а прямо в милицию, и пусть закроют их там в погребе, где бегают крысы и мышки, а кошек не пускают.

Катерина поставила кошелки наземь и дала свекрови команду отвести малышкой домой, а она здесь постоит пару минут с соседями.

— Ой, девочки, — сказала Катерина, — на Привозе астраханские хлопцы, приличные с виду, привезли бочонки с икрой, рассказывают, что творится в Казахстане на целине: дождей не было, стоит жара, суховеи все выдули, что посеяли, пятнадцать миллионов гектаров, все пропало!

Ляля с Диной переглянулись, Катерина состроила хитрую гримасу, как будто перед ней веселые подружки из заведения тети Хаи: "С добрым утром, тетя Хая: вам посылка из Шанхая!".

Все трое стали смеяться, подошла бабушка Оля, сказала, что тоже хочет смеяться, Дина хлопнула себя по ляжкам:

— Смейтесь, кто вам не дает!

Получилось грубо, в другом случае Оля наверняка обиделась бы и ответила как следует, но Ляля сразу перевела разговор на целину, про которую минуту назад рассказывала свою историю с Привоза Катерина, и повторила еще раз, для тех, кто не слышал, стихи Жоры-профессора про целину: "В Казахстане целина — отворяем закрома! Богатеем с каждым днем: что посеем, то пожнем!".

Про последние две строчки Катерина сказала, что здесь малахольный Жора попал в самое яблочко, а вообще надо бы с электроэнцефалографом в руках проверить, где следует, на малахольность этого Жору-профессора. Конечно, тут же засмеялась Катерина, это она говорит только понарошку, в шутку.

Самое удивительное, через несколько дней пассажиры заметили, что Жора не появляется в трамваях. Перед этим прошел слух, что он опять стал читать свои стихи, которые придумал полтора года назад после того как расстреляли Берию:

Когда Берия-мингрел
Стать нам Кобой захотел,
Как захлопнул двери я:
Крышка тебе, Берия!

Люди, умеющие ценить экономное слово, отмечали, что в четырех строчках Жора нашел место не только для самого Берии, но и для Сталина с партийной его кличкой Коба, и для Хрущева, который, хотя не назван по имени, но все знали, что как раз недавно, когда его назначили первым

секретарем ЦК партии, играл главную роль в аресте Берии и приказал приговорить его к расстрелу.

Катерина Чеперуха, когда Дина напомнила ей разговор, который вели несколько дней назад насчет Жоры, что надо сделать ему энцефалограмму и проверить на маланхольность, вдруг, хоть ничего смешного не было, расхохоталась как ненормальная и сообщила новость: знакомая медсестра из психбольницы на Слободке своими глазами видела Жору-профессора, руки за спиной были связаны полотенцем, острижен наголо, голова облеплена электродами, делали электроэнцефалограмму, хлопцы-санитары говорили, вел себя безупречно, как английский лорд, но сколько ни просили почитать стихи, не смогли выжать ни слова.

— Боже мой, — схватилась Дина, — руки связаны, не произнес ни слова! Неужели его могли бить!

— Ну, Дина, тоже скажете! — воскликнула Катерина. — Да кто ж теперь бьет! Прошло то время, когда били, как нашего Ланду, у хирургов и ортопедов кости после вправлять надо было.

В последних числах августа Жора-профессор опять стал появляться в трамваях. Пассажиры сердечно, как близкого друга, с которым были в долгой разлуке, приветствовали Жору, интересовались здоровьем и требовали новых стихов.

В первые дни Жора не откликался на просьбы, загадочно улыбался, держал перед собою металлический коробок с листками вместо прежнего портсигара, о судьбе которого, сколько ни упрасивали, не обмолвился ни словом: если верить слухам, этим портсигаром, который потом изъяли, хорошо приложились ребята, когда выполняли операцию по задержанию, а Жора упирался изо всех сил.

Газеты сообщали, что наши героические целинники, комсомольцы и молодежь, вопреки всем причудам и капризам природы, справились с поставленным заданием и выполнили взятые на себя обязательства. Под урожай следующего, пятьдесят шестого года решено было распахать более тридцати миллионов гектаров, вдвое больше, чем в текущем году. Чтобы никакие суховеи не могли грозить и тем более не могли нам помешать, все газеты, от "Правды" до заводской многотиражки, повторяли призывы товарища Хрущева направить на целину десятки тысяч молодых работников, которым не страшны ни суховеи, ни стужа, ни жара.

Жору-профессора можно было видеть теперь на всех трамвайных маршрутах, которые пересекали центр города: втором, третьем, четвертом,

двенадцатом, пятнадцатом, двадцать первом. Говорили, его видели даже на маршрутах, которые обслуживали Пересыпь и лиманы.

Катерина Чеперуха вместе со своими мальчиками, Гришей и Мишей, втроем, хором повторяли новые Жорины стихи:

Суховети-брадобрен,
Басурманы и злодеи!
Говорит Хрущев Микита:
Ваша карта будет бита!

Собирайте-ка пожитки,
А не то вам под микитки
Вмажет наша молодежь:
Что посеешь, то пожнешь!

Вечером, когда папа и дедушка пришли с работы, Миша и Гриша прочитали им новые стихи, которые сегодня выучили, и заставили повторять за собой каждое слово, чтобы могли тоже выучить наизусть. У Зиновия получилось сразу, а старый Иона то в одной, то в другой строке сбивался, Гриша и Миша не могли понять, почему у дедушки получалось так плохо, и вместе с мамой Катериной обещали поставить ему двойку, если завтра не выучит как полагается.

Зиновий обратил внимание, что в обоих стихах про целину Жора использовал известную русскую поговорку "что посеешь, то и пожнешь" с чуть заметным ироническим оттенком, хотя в одном и в другом случае по содержанию сама поговорка оставалась почти без изменений, как создал народ.

Катерина, когда Зиновий с ней поделился, посоветовала, пусть обратится к доктору Ланде, как интеллигент к интеллигенту, чтобы дал объяснение с медицинской точки зрения, как это все может складываться в голове у малахольного Жоры.

Зиновий ответил, что при случае можно поднять вопрос, срочности нет, как-нибудь после работы столкнутся у ворот, во дворе, Катерина с ходу возразила, что не надо рассчитывать на какую-то счастливую случайность, а наоборот, надо самому зайти и прямо сказать, что есть научно-медицинский вопрос, по психологии, по психиатрии, требуется консультация доктора Ланды.

Катерина стояла за то, чтобы не откладывать на завтра-позлезавтра, а идти сегодня, сейчас, пока у самого Зиновия не остыл интерес.

— Зюня, — сказала Катерина, — делай, как знаешь, а у меня такое чувство, сердце подсказывает, что сейчас как раз самый момент.

— Не сердце, — засмеялся Зиновий, — а дхарма буддийская летает-кружит и свои советы нашептывает по подсказке Жоры-профессора, из-за которого весь сыр-бор.

— Ну, иди-иди, — стала подталкивать Катерина, — чего тянуть кота за хвост!

Действительно, получилось все на редкость удачно. Гизелла только что ушла, доктор Ланда немного удивился гостю, но встретил приветливо, предложил свободное кресло у письменного стола, сам занял свое рабочее место и спросил:

— Уважаемый Зиновий Ионович, чем могу быть полезен? Поверите ли, как раз перед вашим звонком в дверь о вас думал. Чудеса! Впрочем, — тут же добавил доктор Ланда, — никаких чудес: только что вспоминали по радио, что нынче — десятилетие капитуляции Квантунской армии японцев в Манчжурии в августе сорок пятого. Я, естественно, подумал о вас. Странно, среди тех, кого я знаю, вы единственный воевали с японцами. Ваше ранение видимо, пришлось на эти августовские дни.

— Да, — подтвердил Зиновий, — конец августа. Несколько дней в госпитале врачи пытались спасти мою правую ногу, но началась газовая гангрена. Пришлось ампутировать. Ниже колена. В госпитале за мной ухаживала Катя Тукаева. Теперь моя жена. Были признаки некроза выше колена. Но обошлось. Хирург сказал мне: "Вас любят боги! Счастливчик!".

Доктор Ланда засмеялся:

— Меня тоже любят боги. В марте пятьдесят третьего года, оказалось, я был среди счастливчиков. Ныне все в порядке. И с ногами, и с ребрами... Словом, порядок. Теперь уже не надо бояться ночного стука в дверь. Да, Зиновий, так что вас привело ко мне?

— Семен Александрович, я знаю, за вами приезжает машина. Но, наверное, случается ездить и трамваем.

— Да, — улыбнулся доктор Ланда, — случается. Именно случается. Готов держать пари, угадал, к чему вы клоните: Жора-профессор? Так?

— Ну, — развел руками Зиновий, — у нас с вами телепатия.

— Не только у нас с вами, — сказал Семен Александрович, — сегодня у всех одесситов, кто имеет удовольствие пользоваться нашим одесским трамваем и слушать стихи Жоры-профессора. Впрочем, кажется, следует внести поправку: мне говорили, что некоторое время Жора не появлялся в трамваях. По этому поводу в городе были всякие слухи, догадки.

Да, подтвердил Зиновий, были всякие слухи и догадки, но сложилось так, что Катерина случайно, по знакомству с медсестрой из психиатриче-

ской больницы на Слободке, узнала действительную причину: Жора временно был изолирован, его подвергали обследованию и лечению.

Доктор Ланда закрыл глаза, забарабанил пальцами по столу, хорошо видно было, что порядком устал за день в своей урологии, но быстро справился с минутной слабостью и сказал бодрым голосом:

— Зиновий, каюсь: я лукавил. Я знал, что Жору изолировали, подвергли обследованию и лечению с применением электрошоковой терапии и новых психотропных препаратов, ну, направленного, скажем, действия. Я хорошо знаком с заведующим кафедрой психиатрии медицинского института профессором Мирельзоном. Чтобы не отвлекать его от плановых научных исследований и учебного процесса, институтское начальство поручило вести обследование и лечение Жоры-профессора одному из членов кафедры. На кафедрах, — улыбнулся Семен Александрович, — теперь ни для кого не секрет, спецы всякие нужны, спецы всякие важны.

Зиновий сказал, это никогда не было секретом, но Жора-профессор давно развлекает пассажиров в трамваях своими стихами, а никто не теребил его, не ограничивал, тем более не изолировал и не направлял на принудительное лечение. Стихи про Тито и Хрущева, как помирились и стали первыми друзьями, нравились всем, и никому не приходило в голову, что могут остановить, закрыть автору рот, потому что кому-то не по вкусу.

Наоборот, поддержал доктор Ланда, были по вкусу, больше того, народной своей, с ерническим оттенком, прямой потрафляли и вкусу, и самолюбию новых правдолюбов-златоустов, которые, что ни говорят, что ни делают, а все именем народа, все для блага народа. А когда про целину пошли тексты и рифмы — а на целине суховеи, оказалось, все, что поднялось из грунта, по ветру пустили! — понятно, стихи уже не потрафляли вкусу, не тешили слуха, а звучали злорадно, ядовито, как из уст уличного смутьяна: "Что посеем, то пожнем!".

— Жора-профессор, — сказал доктор Ланда, — собственно, не поэт, а версификатор. Но у него живое воображение, неожиданные ассоциации. Русская народная пословица "что посеешь, то и пожнешь" приобретает не вещей, а прямо зловещий смысл, когда провальный, скандальный результат уже известен каждому встречному-поперечному, так что и объяснять ничего не надо, все предугадано было в присказке нищего скомороха, юродивого с сумой: "Богатеем с каждым днем: что посеем, то пожнем!". Цезаре Ломброзо, известный итальянский психиатр и криминалист прошлого века, в своей книжке "Гениальность и помешательство" очень живо и обстоятельно разбирает феномен сумасшедших поэтов, которые часто вы-

полняют с большой легкостью то, что затрудняет даровитейших нормальных людей. Жора-профессор, — засмеялся доктор Ланда, — в своем роде наше народное добро, наше общее достояние. Будем беречь его: не отдадим недругам — ни своим, ни чужим!

Катерине, когда Зиновий пересказал, о чем говорили с доктором Ландой, разговор не очень понравился. Хотя сама дала совет зайти, обсудить стихи Жоры-профессора с медицинской точки зрения, теперь укоряла себя:

— Леший дернул за язык! Да разве угадаешь наперед, как слово обернется. Хорошо, что вдвоем, с глазу на глаз плели. Был бы жив Овсеич, обоих бы, — засмеялась Катерина, — по одному адресу, куда Макар телят не гонял!

— А ты времени не теряй, — сказал Зиновий, — сгоняй к Малой, к майору Бирюку, спроси совета, как быть: то ли ждать, пока кликнут, то ли самой впереди паровоза.

— Дурак ты мой, дурачок! — Катерина подошла, обняла Зиновия, поцеловала в висок. — Да мысли-то, слова, что ли, в голове у меня по моему велению на язык соскакивают? Жору-профессора, несчастного сумасшедшего, юродивого, химией накачали, он стал правильные стихи сочинять: "Суховеи-брадобреи, басурманы и злодеи! Говорит Хрущев Микита: ваша карта будет бита!". Человека с нормальными мозгами попробуй, настрой, а тут малахольного на вахту поставили. Да мы-то все, — захохотала Катерина, — с пионерских лет на вахте!

— Ну, чалдонка, — Зиновий схватил Катерину за руки, завел за спину, — теперь ты от нас не уйдешь! Теперь сама себя выдала, какие такие мысли у тебя в голове круговерть устраивают! Только скажу тебе, заячья твоя душа, не те нынче времена: теперь не надо бояться ночного стука в дверь.

— Сам придумал? — спросила Катерина.

— Нет, зайчонок, — покачал головой Зиновий, — не сам: текст доктора Ланды.

— Так вот, — сказала Катерина, — передай своему доктору Ланде: вынул голову из петли — не примеряй вдругорядь.

Гриша и Миша, оба в длинных майках, так что перекрывали трусы, выскочили из своей комнаты, стали в дверях и принялись хором читать стихи, которые днем выучили наизусть с мамой, а потом вместе заменили два слова — "брадобреи" и "басурманы" — другими, которые нравились больше:

Суховеи-бармалеи,

Берендеи и злодеи!

Говорит Хрущев Микита:

Ваша карта будет бита!

Собирайте-ка пожитки,
А не то вас под микитки
Сцапнет наша молодежь:
Что посеешь, то пожнешь!

— А ну-ка, берендеи-злодеи, вражье племя, марш в кровати! — приказала мама Катерина.

На другой день дети играли во дворе, Клава Ивановна проходила мимо, услышала, какие декламируют стихи, попросила еще какие-нибудь вдобавок и похвалила, особенно Гришу и Мишу, которые так красиво декламировали.

Вечером Клава Ивановна пришла к молодым Чеперухам, сказала, все реже ходим друг к другу в гости, а иногда по старой привычке хочется вместе посидеть, выпить с соседями стакан чаю и просто немножко поболтать.

Зиновий и Катерина приняли мадам Малую как родного человека, с которым всегда есть о чем поговорить и не надо, как бывает со случайными гостями, высасывать из пальца. Да, сказала мадам Малая, не надо высасывать из пальца и, тем более, не надо играть в прятки.

— Катерина, — обратилась мадам Малая, — я сегодня имела редкое удовольствие слышать, как хорошо декламируют стихи твои Гриша и Миша, которые в этом году, слава Богу, пойдут уже в третий класс. Я знаю, ты читаешь вслух с ними сказки Пушкина и выучили наизусть стихотворение Маршака "Мистер Твистер". Никто не спорит: ты уделяешь детям внимание. Но как могло получиться, что твои дети сами во дворе декламируют уличные стихи и еще других учат?

— Почему уличные? — удивилась Катерина. — Там нет гадких слов.

— Да, — подтвердила мадам Малая, — там нет гадких слов. Но я тебе скажу прямо, и ты сама хорошо понимаешь: там все слова гадкие, потому что такие стихи не только нашим детям не нужны, но не нужны их папам-мамам, бабушкам-дедушкам! Стихи Жоры-профессора, который находится под постоянным наблюдением в психоневрологическом диспансере и периодически нуждается в дополнительном усиленном лечении, не только факты, но и людей, вы с Зиновием оба хорошо знаете, о ком идет речь, рисуют не в том свете, какой нам нужен.

— Клава Ивановна, — сказал Зиновий, — я не вижу в стихах Жоры-профессора ничего страшного. Наоборот, они смешные, забавные, а весело посмеяться — это всем только на пользу.

— Зюня, — мадам Малая положила руки на стол, пальцы плотно стиснула, — ты можешь провести целый вечер с доктором Ландой и говорить

о чем угодно. Это ваше право и никто не посягает. Но какие стихи у нас во дворе хором читают наши дети, это не только наше право, это наш долг — давать оценку и принимать меры. И не надо ждать, пока другие это сделают за нас. Я знаю, у тебя сложились хорошие отношения с Бирюком. Я думаю, нам надо собраться и поговорить, чтобы потом не пришлось держать за пазухой камень. Ты меня понял? Я вижу по твоим глазам, что понял. Не будем откладывать в долгий ящик, прямо сейчас поднимемся к Бирюку. Катерина пусть остается дома с детьми.

Марина, когда открыла дверь и увидела на пороге неожиданных гостей, обрадовалась, потому что как раз кончали ужинать, а на столе еще целая половина кремowego торта с кондитерской фабрики имени Розы Люксембург.

Марина сразу пригласила к столу, поставила фарфоровые тарелки, на каждую положила вилочку и сказала:

— Дорогие гости, кушайте, сколько поместится, а то мы уже чуть не лопнем.

Мадам Малая ответила Марине, что при ее фигуре можно съесть десять тортов, а бюст и талия все равно останутся, как у молоденькой девушки. Но она пришла не для того, чтобы говорить хозяйке комплименты, а по делу.

— Бирюк, — сказала мадам Малая, — мы пришли к тебе, чтобы вместе обсудить срочный вопрос. Я сегодня слышала, как наши дети во дворе, твоя Зиночка тоже, повторяли стихи, с которыми Жора-профессор разъезжает в трамваях по городу и забавляет пассажиров. Но одно дело пассажиры, которые случайно оказались в общем вагоне, а другое дело двор, в котором мы живем. Здесь сидит Зиночка, она может повторить, если ты еще не слышал.

Марина, хотя мадам Малая к ней не обращалась, с ходу заявила, что она и сама может повторить, если кому-то так нравится, смешные стихи, в Одессе сегодня каждый может сам повторить.

— Бирюк, — вторично обратилась мадам Малая, — я тебя спрашиваю, а ты молчишь, как воды в рот набрал. Зиновий, которого я привела к тебе, чтобы вместе могли обсудить, рассуждает, как твоя Марина, как будто заранее сговорились, а его Гриша и Миша, твоя Зиночка и другие дети будут завтра опять бегать по двору, выскакивать за ворота на улицу и повторять смешные, как нам здесь объяснили, а на самом деле гадкие стихи, чтобы все могли слышать.

— Ивановна, — Андрей Петрович подвинул свой стул поближе, хотел взять гостью за руку, но она тут же сжала в кулак, спрятала обе руки меж-

ду коленями, — скажу тебе при всех в глаза: ты не права на сто процентов — ты права на все двести процентов! Овсеичу, если слышит тебя сейчас, бальзаму на душу на тыщу лет хватит. Да времена, Малая, не те, другие пошли у нас времена: и браним по-другому, и смеемся по-другому.

— Хорошо! — мадам Малая поднялась рывком, как будто подбросила невидимая пружина. — Смейтесь, как хотите и сколько хотите, но не надо забывать: смеется тот, кто смеется последний!

Клава Ивановна направилась к дверям, Андрей Петрович крикнул вдогонку, что не выпустит, но замешкался у стола и опоздал на какую-то долю секунды.

Зиновий сказал, что пришел с мадам Малой, с ней следовало и уйти, Марина ответила, ей и самой жалко старуху, но нельзя же забывать: в календаре хоть перебрасывай листы взад-вперед, а дни как идут, так и будут идти.

— И ты, Марина Игнатьевна, — ткнул пальцем Андрей Петрович, — не забывай и не спеши списывать гвардию в обоз. Тебе стихи Жоры-профессора по вкусу, тебе и Зиновию смешно, весело, а на самом деле, по большому счету, правда за ней, за Малой.

За окном, на Троицкой улице, сильный женский голос с хрипотцой, какая бывает с похмелья, выпевал на одной ноте:

Вышла б замуж за Хрущева,

Да боюсь одного:

Говорят, что вместо .уя

Кукуруза у него!

Марина зашлась в смехе, тут же подскочила к окну, свела створки и хлопнула плотно, чтобы не услышала у себя за дверью Зиновья.

Мы были тогда молодыми...

Из цикла "Рассказы-воспоминания"

1. Лейтенант Жариков

Вообще-то он был даже старшим лейтенантом, командиром роты, но в моей памяти сохранилось именно это сочетание. В его роту мы и попали летом после четвертого курса института, чтобы завершить программу нашей так называемой военной подготовки. Месяц — кажется, именно столько полагалось пробыть в армейских лагерях неподалеку от Рыбницы на берегу Днестра, чтобы получить военный билет и офицерское звание. Но какие-либо подробности здесь не важны, поскольку запомнилось и вызвало желание все это зафиксировать совсем другое...

Мы прибыли на место, нас распределили по палаткам, выдали обмундирование — и мы тут же начали хохотать. Хохот этот продолжался дня два; причины его, правда, менялись. То мы, впервые в жизни надев военную форму и натянув сапоги, просто глянули друг на друга, то вдруг обнаружили, что фамилия у старшего сержанта, который командует нашим взводом, немецкая — Шумахер. То после первой в своей жизни команды "Отбой!" начали перекидываться грубоватыми, а для многих ушей и просто грубыми, шутками. Здесь я, правда, особой активности не проявлял, но хохот мой, помню, был самым громким и заразительным.

Наутро было построение. По инерции мы еще пытались изощряться в остроумии, причем столь же малоэстетичном, что и ночью, но грозный окрик сержанта Шумахера заставил нас подтянуться.

И тут мы Его впервые увидели. Нашего лейтенанта. Высокий, с загорелым чисто выбритым лицом, в портупее и с планшеткой на боку, он был... Ладно, скажу просто: перед нами был офицер, к которому абсолютно точно подходило определение "настоящий". Плюс к тому правильная речь, точные движения, доброжелательный и вместе с тем ироничный взгляд. Улыбнувшись на наше нестройное "Здравия желаем, товарищ старший лейтенант!..", он сказал, что очень рад, раз ему достались такие орлы, что за месяц мы должны стать офицерами запаса, что нам будет трудно, но он в нас верит. Ему шло все: форма, должность, звание. Даже фамилия у него была, как нам тогда показалось (а мне и до сих пор кажется), вполне офицерская. Ему вообще, если можно так выразиться, шла армия. Чувствовалось, что он здесь на месте...